

Александр Симатов

16+

Зеркало с видом на осень

Александр Вениаминович Симатов

Зеркало с видом на осень

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51609884

SelfPub; 2020

Аннотация

Рассказ о надежде на жизнь. О любви, которая всё равно остаётся. О беспощадности и нейтральности смерти, которая никак не различает людей.

Содержание

1	4
2	10
3	19
4	24
5	28
6	32

1

Закрыв глаза и пережидая приступ боли, Никита Николаевич лежал на кровати и наблюдал, как листья носятся по двору его старого дома. Ветер гонял их, как ему вздумается. Листья ненадолго взлетали, описывали сложные траектории, – затем падали, цеплялись за ветки кустов, липли к мокрым скамейкам, льнули к щербатому асфальту. Но неугомонный ветер вновь подхватывал опавшую листву, не давая ей покоя. Иногда закручивал из листьев смерч на пустыре между кривым вязом и качелями. Потом так же неожиданно, как начинал, бросал это занятие, и листья кругами возвращались на землю.

Эта желтая выюга запомнилась Никите Николаевичу с того ветреного дня прошлой осени, когда ему стал известен результат и отпали всякие сомнения. С тех пор она навязчиво преследовала его.

Он был немного рассеян, если дело не касалось работы, как бывает с увлеченными людьми, любящими свою профессию. По утрам проходя по пасмурному двору, зажатому между домами, обычно ни на чем не задерживал взгляд, мыслями профессионала уже пребывая в клинике и думая о больших и предстоящих операциях. Разве что поневоле замечал дворника Рустама. Его невозможно было не заметить. Ру-

стам громко здоровался и с грохотом возил по двору тележку для мусора. Но в тот день, выйдя из подъезда, Никита Николаевич оказался в эпицентре желтой круговерти, и она его насторожила. «Какой безрассудный танец еще недавно здоровой зеленой плоти», – подумал он будто все подмечающий поэт, из «сора» по определению классика готовый «вырастить» стихотворение, и отдался нехорошим предчувствиям, так что после неуверенно вел машину.

В вестибюле клиники передумал идти в свое отделение и первым делом заглянул в лабораторию, хотя знал, что заведующая будет позже и прежде намеревался поговорить с ней тет-а-тет.

– Скажите, есть что-нибудь для меня? – поздоровавшись, строго спросил вышедшую к нему молоденькую медсестру.

Медсестра растерялась.

В клинике все знали Никиту Николаевича как мягкого человека, весельчака и балагура. Его галантное обхождение с дамами вызывало улыбку и поднимало настроение. О его комплиментах «на грани» ходили легенды. «Лучики в ваших глазах так и светятся, делая вас еще прекраснее. Смею утверждать – вы любимы в сию пору. Я прав?» – мимоходом, но доверительно, как об их общей маленькой тайне, говорил он на посту дежурной сестре, и количество лучиков в ее глазах увеличивалось многократно.

– Вот, Никита Николаевич, – словно извиняясь за неблагоприятный поступок, смущенно сказала медсестра, боязливо

протянула ему изломанные листы и тотчас шмыгнула к себе за матерчатую ширму.

Он вышел в коридор, пробежал глазами по бумагам. Потом еще раз, уже медленнее в надежде на ошибку. В надежде обнаружить, что просто все перепутал. Или что медсестра, не разобравшись, дала ему результаты анализа другого пациента – бывает же такое. Так абитуриент, приподнявшись на носки, напряженно всматривается поверх голов впереди стоящих в список на стене институтского коридора и никак не может поверить, что напротив его фамилии напечатано короткое «неуд». Работая локтями, абитуриент протискивается в первый ряд, но чуда от этого не происходит.

Некоторое время назад, прежде выслушав осторожные предположения коллеги, Никита Николаевич, изучая картинку на экране томографа, почти определился с диагнозом. Но только что полученное подтверждение собственного заключения оказалось для него неожиданно открывшейся истиной. Он даже задержался перед дверью в лабораторию. Стоял, тасовал листы и соображал, что надо предпринять, как будто можно было сию же минуту найти спасительное решение. Наконец, напевая про себя «*мар-керы, мар-керы, маркерымои*» под налетевшую из детства мелодию, стронулся с места и почувствовал, как волной поднялось давление.

В лифте продолжал напевать, изучая неумолимые бумаги.

В приемной заведующего клиникой широко улыбнулся секретарше и приподнял невидимую шляпу.

– Мое почтение. Вы прекрасно выглядите. Глядя на вас, появляется непреодолимое желание немедленно возглавить клинику вместо шефа.

В ответ на довольную улыбку секретарши и ее утвердительный кивок на вопрос «Один?» пошутил:

– Сегодня ужасно ветрено и сыро. Поэтому я ненадолго.

Потом коротко постучал в дверь, поздоровался с порога, стремительно преодолел пять метров ковровой дорожки и положил результаты анализа на стол хозяина кабинета.

– Полюбуйся.

Заведующий клиникой сдвинул листы в сторону, сцепил руки и, не глядя на Никиту Николаевича, с задержкой произнес:

– Я уже видел.

Никита Николаевич немного растерялся, хотя в словах заведующего не было ничего необычного. «Зачем я все это демонстрирую? Ему приносят подобные заключения пачками», – с опозданием промелькнула неприятная мысль. Никите Николаевичу стало неудобно перед начальником за свое малодушие, и он пожалел, что пришел к нему.

– Извини... Я, собственно, заглянул спросить. По-твоему, какие перспективы?

Заведующий поднял на него глаза и ушел от ответа.

– Биопсию надо сделать.

«Логично и деликатно», – оценил про себя Никита Николаевич, не зная, что сказать, чтобы поскорее покинуть каби-

нет. Начальник заметил его состояние.

– Никита, ты сядь, не стой... Чаю хочешь? Свежий, только что заварил.

Никита Николаевич от чая отказался и сел в кресло. Заведующий переставил от себя подальше кружку с чаем, буд-то боялся случайно опрокинуть, и внимательно посмотрел в лицо Никите Николаевичу.

– Мы сегодня с учеными мужами обсудим. Я потом тебе расскажу, что решили. В любом случае последнее слово за тобой. Посчитаешь нужным – скорректируешь... Ты ведь знаешь, насколько все индивидуально... Помнишь, у нас капитан был с Дальнего Востока?.. А что я спрашиваю, – спохватился он, – моряк же в твоём отделении лежал.

«Бесполезные хлопоты», – подумал Никита Николаевич и от этой мысли сразу успокоился.

– Я сегодня дома побуду, если не возражаешь, – попросил он.

– О чем ты говоришь, конечно.

Глядя на впалые порозовевшие щеки Никиты Николаевича, заведующий клиникой в раздумье подвигал губами.

– Как у тебя с аппетитом?

– Последнее время не очень.

– Давление подскочило?

– Только что. Куда от него денешься, – улыбнулся Никита Николаевич. – Так я загляну к себе, сделаю обход, распоряджусь по текучке и поеду.

– Машину лучше оставь, – в приказном тоне посоветовал заведующий. – Прогулка на свежем воздухе не помешает... За последние два дня ветер всю дрянь из города вымел, – пояснил он.

2

Обход отделения отвлек Никиту Николаевича от мыслей о маркерах и, выйдя из клиники, он продолжал думать о последних назначениях процедур и препаратов.

Перечень вариантов его врачебного вмешательства был невелик, но главное – малоэффективен. Как и его коллеги, он боролся не за избавление от болезни, а за *продление жизни*. Это лукавое определение на слух воспринималось едва ли не как эталон милосердия, но в действительности подразумевало лишь продление срока сосуществования человека и его болезни. Избавление же от болезни было не под силу медицине.

Несмотря на сложные операции, которые делал Никита Николаевич, про себя он порой называл проводимое лечение «успокоительной терапией» и с горькой иронией ловил себя на мысли, что для сеансов успокоения во многих случаях больше подошла бы церквушка со свечами и иконами. Наградой за его профессиональные усилия ему служили отвоеванные у смерти месяцы и реже – годы. Но что собой представляла эта *продленная жизнь*? Он очень хорошо знал, что у каждого она была своя. Иногда, оставаясь с ним наедине, больные – чаще с выражением покорной безысходности на лице, нежели скрытого ожесточения – признавались ему, что лучше бы он ее не продлевал. В такие минуты жалость к

этим людям переполняла его, и он, глядя на их страдальческие лица, с трудом продолжал слушать истории про то, каково это – проживать продленную его стараниями жизнь...

Неожиданно на Никиту Николаевича налетела шумная ватага детей. Воспитательницы вели детсадовскую группу, покрикивая на непослушных малышей. Задумавшись, он шел посередине тротуара, и детям пришлось обходить его с обеих сторон. Он остановился, приподнял портфель, чтобы не мешать им, и сверху наблюдал проплывающий мимо него пестрый поток курток, пальто и шапочек. Поравнявшись с ним, один из мальчишек задрал голову, показал полиэтиленовый мешок с хлебом и громко сообщил: «Мы на пруд идем уток кормить».

Никита Николаевич улыбнулся, проводил детей взглядом и вспомнил не так давно появившуюся у него мечту. Хотел он взять несуществующего пока внука с собой на море, чтобы закупаться с ним вволю и побросать внука в набегавшие волны – всего лишь. Этой забавой развлекал его когда-то отец. Никита Николаевич хорошо помнил, как визжал от страха и восторга и требовал бросать его в морскую пучину снова и снова. С маленьким сыном отдохнуть на море так и не удалось, все время что-нибудь мешало, не позволяя спланировать летний отпуск – симпозиумы онкологов, конференции, диссертация... Жена с сыном уезжала к морю, а он оставался в душном городе и каждый день звонил узнать, как там у них дела, и выслушивал подробный рассказ о тем-

пературе воды и воздуха и ценах на черешню и абрикосы.

Мечта Никиты Николаевича могла показаться пустяковой, но лишь на первый взгляд, потому что предполагала рождение внука. События начали развиваться в правильном направлении прошедшим летом. Сын женился, и в ближайшие лет пять мечта Никиты Николаевича вполне могла сбыться. Всего каких-то пять лет, – ну шесть. И даже если внучка. Маленькую девочку, конечно, не побросает в морскую пучину, но закупаться вволю и с ней можно.

После мыслей о внуке и о море к Никите Николаевичу вернулись маркеры и навязчивый мотив. Напевая про себя, он вдруг услышал внутренним слухом, что «маркеры, маркеры, маркерымой» – это же «*ве-село, ве-село встретимно-выйгод*». А какая там предыдущая строка в рифму? Силился вспомнить, но так и не вспомнил. После «нового года» не думалось уже ни о чем, кроме прогрессирующей заразы.

«Чем ее взять? Может быть какой-нибудь гремучей выпивкой? – рассуждал он, сам себе улыбаясь. – Если получится изобрести – Нобелевская премия гарантирована... Нине подарю шикарную шубу, комплект с натуральными рубинами. Первоклассной обуви пар тридцать на все случаи, хорошая обувь – это ее слабость. Две недели на Мальдивах в отдельном бунгало на берегу океана с личной прислугой... Сыну куплю квартиру. В клинике все кровати выброшу к чертовой матери – все! И всю сантехнику, все лифты – туда же. Кровати только немецкие, Бурмейер. Лифты бесшум-

ные, и чтобы ходили плавно, как в онкологическом центре Тель-Авива. Туалеты прикажу переоборудовать, чтобы любой больной мог себя обслужить...»

Неожиданно появившееся желание выпить приостановило мысли Никиты Николаевича о том, как потратить Нобелевскую премию. Он заметно оживился, даже походка стала легкой, и энергично завертел головой в надежде увидеть поблизости питейное заведение. Порывом ветра с него сорвало шляпу и покатило ее, как колесо, по проезжей части. Завизжали тормоза. Никита Николаевич побежал за головным убором, приветствуя водителей поднятой рукой. Догнав шляпу, вернулся на тротуар, отдышался и продолжил путь, поглядывая по сторонам. «Почему нет рюмочных? Раньше, помнится, везде были рюмочные. Очень удобно и не накладно», – ворчал про себя, вспоминая, как с приятелем по интернатуре после ассистирования в операционных выпивали в этих забегаловках, потому как были всего лишь подмастерьями и претендовать на спирт в клинике не могли.

Наконец он заметил небольшой ресторан на другой стороне улицы, обрадовался и заспешил к подземному переходу.

В ресторане посетителей не было. Появился бармен с модной стрижкой, выжидающим лицом и татуировкой-драконом на шее. Никита Николаевич разделся, снял шляпу, поправил волосы и направился к стойке бара.

– У вас есть коньяк? – после приветствия спросил он.

– Разумеется, – удивился бармен. – Какой предпочитаете?

– Никакой не предпочитаю. Просто в данный момент надо как следует двинуть по организму, – пояснил Никита Николаевич и слабо улыбнулся.

Он был не молод и прилично одет. Дорогой портфель, недавно подаренный женой, и шикарная фетровая шляпа дополняли образ, исключая фамиллярное обращение. Бармену стало интересно – до появления Никиты Николаевича он пропадал от скуки. Для проформы прошелся тряпкой по чистой стойке, поставил перед Никитой Николаевичем пузатый бокал и с близкого расстояния посмотрел ему в лицо, намереваясь предложить марку коньяка. Но, встретившись с Никитой Николаевичем взглядом, не сделал этого и после короткой паузы сказал:

– Извините... Это, конечно, не мое дело... Если, как вы сказали, надо *двинуть по организму*, то я бы предложил вам хорошей водки. Мне кажется, это лучший вариант.

– Наверное, вы правы, – легко согласился Никита Николаевич, – давайте вашей хорошей водки.

Бармен кивнул, поменял бокал на стопку и принес запотевшую бутылку.

– Вы мне графинчик поставьте, грамм триста, – попросил Никита Николаевич. – Я сам за собой поухаживаю. Закуски не нужно.

– Как угодно. От заведения принесу вам небольшое ассорти из солений.

Когда все было готово, бармен наполнил стопку и со сло-

вами «не буду вам мешать» удалился.

Никита Николаевич выпил водки и закусил черемшой. Подождал немного, прислушиваясь к себе. Почувствовав легкое опьянение, обрадовался, будто прежде боялся, что этого может не случиться. Ему стало лучше, и он принялся разглядывать ряды бутылок. Неспеша переводил взгляд с этикетки на этикетку, оценивал форму сосуда, цвет напитка и про себя отмечал: «пил» или «не пил». Несколько бутылок остались для него загадкой. Изучив батарею нижнего ряда, налил себе полную стопку и снова с удовольствием выпил. О маркерах уже не думалось, тревожные мысли оставили его. Не то, чтобы совсем оставили, но незаметно утратили прежнюю остроту.

Он перевел расслабленный взгляд на второй ряд полок и представил себе, как готовят эти разноцветные жидкости. Размешивал красители в бочках и с помощью ковша и воронки разливал спиртное по бутылкам сурового вида немолодой брюнет с обветренным дубленным лицом и крепкими волосатыми руками. Никите Николаевичу он виделся в оливковом прорезиненном фартуке и был жителем Средиземноморья – то ли греком, то ли испанцем...

Красивым изумрудным цветом выделялась бутылка с крутыми рельефными боками, абрисом похожая на подбоченившуюся бабу. «Абсент? Джин?.. Если все это правильно смешать, сделать *купаж* – так, кажется, это называется? Наверняка же на клеточном уровне не выдержит ни одна зара-

за, – пьянея, размышлял Никита Николаевич. – Отступит под натиском отвратительного пошла... Как было бы прекрасно. Что у вас? Рак поджелудочной? – какие пустяки! Вот вам, пожалуйста, по пятьдесят грамм три раза в день перед едой. Что за состав? Никакой тайны, сами можете приготовить. Виски, португальский портвейн 20 градусов, немного рома и красное сухое вино из региона Бордо. Сорт винограда не имеет значения. Главное, чтобы именно из Бордо и минимум сахара... Не волнуйтесь, пропорции установлены согласно последним научным исследованиям Всемирной организации здравоохранения...»

– У нас можно курить, – сказал неожиданно появившийся бармен.

Никита Николаевич очнулся.

– Не курю и вам не советую, – назидательным тоном сказал он, будто разговаривал со своим больным.

– Рака легких боитесь? – улыбнулся бармен.

Никита Николаевич уверенно замотал головой.

– До легких не доберется, не успеет, – серьезно сказал он и вдруг махнул рукой: – А, впрочем, давайте подымим! Угостите?

– Пожалуйста, – сказал бармен и протянул пачку сигарет. Потом наполнил стопку и снова удалился.

Никита Николаевич закурил. После многолетнего перерыва у него с непривычки закружилась голова. Он подождал, приходя в себя после первой затяжки, затем выпил и продол-

жил бесцельно разглядывать бутылочное хозяйство. Мыслей не было никаких, это устраивало. Когда водка была выпита, а сигарета выкурена, он оставил на стойке деньги, оделся и неуверенной походкой вышел на улицу.

По дороге домой почувствовал себя совершенно свободным человеком.

Попрошайке в цветастой косынке, сидящей на ящике около продуктового магазина, отдал всю мелочь, что накопилась в карманах плаща. Отошел было от нее, но потом вернулся и пожурил за незнание собственного бизнеса и рекомендовал перебраться поближе к вокзалу или церкви.

Во дворе дома долго стоял на холодном ветру, с удовольствием вдыхая сырой воздух и наблюдая, как под скрип качелей кружатся листья. Потом задумчиво смотрел на окна второго этажа. «Здесь я родился, здесь я женился, здесь я умру», – пронеслось в голове.

– А где ваша машина, Никита Николаевич? – услышал за спиной голос Рустама.

– Сегодня она мне не нужна.

– Тогда я скажу, что ваше место можно занять?

– Занять мое место? – поразился вопросу Никита Николаевич. – В каком смысле?.. А, ну да, конечно... Ты не составишь мне компанию? Давай выпьем с тобой, есть хороший повод.

Поняв, что сказал, рассмеялся. Дворник не знал, как себя вести.

– Мы не пьем, Никита Николаевич, вы же знаете.

– Очень жаль.

Никита Николаевич пристально посмотрел в растерянные глаза Рустама, окончательно смутив его, и направился к подъезду.

Пока поднимался к себе – устал и постарел. В прихожей удачно метнул шляпу, и она повисла на рогах оленя. Портфель бросил в угол. Освободился от плаща и пиджака, прошел в спальню, лег поперек кровати на живот, разбросал в стороны руки и тут же уснул, успев задаться вопросом «как сказать Нине?».

3

В комнате царил полумрак. Фонарь со двора добивал сюда мягким желтым светом. Прохладный ветер через открытую форточку плавно колыхал тюль, отчего по потолку волнами двигались расплывчатые тени.

Они лежали, наблюдая за игрой теней, и молчали. О чем говорить?

Он хотел было, но передумал. О чем? О том, как он себя чувствует? Сколько можно... Отвратительно он себя чувствует. Боли все усиливаются и усиливаются. Казалось бы – куда больше. Он уже не встает, стремительно худеет, требует постоянного ухода. Лучше бы они его не кормили, честное слово. Для всех кроме сиделки превратился в ненавистную обузу. Сын потратил три дня отпуска, чтобы дать ей отдохнуть, и уехал счастливым. При расставании даже не сумел этого скрыть. Невестка звонила каждый день с одной целью – узнать, когда ее Виталика *отпустят* домой, она *соскучилась*. И – *между прочим* – у него отпуск.

Жена тащит этот воз из последних сил. Спросить, как у нее дела на работе? Зачем? Она будет мучиться, рассказывая и понимая, что ему это совершенно не нужно, потому что он уже бесконечно далек от всего этого.

Он давно ей сказал, что не надо ждать, когда это случится. К чему эти мучения? Надо продолжать жить. Она еще

энергична и привлекательна. Достаточно того, что спит в одной с ним комнате и не высыпается из-за этого изо дня в день. Няняла хорошую сиделку – и достаточно, сделала великое дело, теперь он не плавает в собственном дерьме. На импортные анальгетики потратила целую зарплату – и больше ничего не надо. Спасибо тебе, дорогая.

Сон не идет. А надо бы уснуть, пока действует укол. Он хорошо это усвоил.

Хрумкнули пружины матраса. Нина повернулась в его сторону.

– Как ты?

Ритуал перед сном. Невозможно от него уклониться, как ни старайся.

– Нормально.

Что может быть фальшивее подобного разговора?

«А как же без разговора об *этом*? – осадил он себя. – Если говорить не об *этом*, то получится во сто крат фальшивее».

Добавить толику оптимизма? Пожалуйста.

– По крайней мере, не хуже.

Нина встала, чуть прикрыла форточку, присела рядом с ним, положила теплую руку на плечо.

К чему это? Все будет в итоге хорошо, так, что ли? А сам бы как поступил? Тоже ведь присел бы рядом и положил руку на плечо.

– Звонил Виталий. Жанна беременна.

«Жанна беременна... Жанна из Таллинна беремен-

на... Жанна из Таллинна беременна Инной... или Иннокентием?...»

Мне не позвонил. Пришлось бы спрашивать, как я себя чувствую.

Что сказать по поводу этой новости? Что ребенок не увидит деда?

– Прекрасно.

Он вспомнил свою мечту и спросил:

– Мальчик?

– Слишком маленький срок.

«Какая разница, кто никогда не увидит дедушку – внук или внучка?.. Интересно, кому важнее, чтобы у него был дед – Инне или Иннокентию?»

Что за чушь лезет в голову... Попал в ритуальную колею – не выбраться. Теперь твоя очередь о чем-нибудь спросить.

– Как у тебя на работе?

– По-прежнему, без изменений.

О чем еще спросить?

Ветер усилился, тени забегали по потолку быстрее.

Нина вернулась к себе и тихо заплакала – Никита все равно не видит. Лежала и плакала. Потому что ничего нельзя сделать. Потому что эта зараза расплзлась повсюду, добралась до костных тканей. И потому что Никита еще совсем молодой. И потому что она тоже еще молодая. И потому что совершенно выбилась из сил. И потому что появился Аркадий...

Никита заснул. Она поняла это по его ровному дыханию. Вытерла слезы краем пододеяльника.

Аркадий... Он сам к ней подошел. Наверное, что-то почувствовал в ее взгляде, готовность, что ли. Два года пялился с тех пор, как впервые увидел в столовой. Дождался, наконец.

«Я давно разведен, моя холостяцкая квартира в твоём распоряжении».

«Не нужна мне твоя квартира. И ты мне не нужен. Повезло тебе, что природа вложила в меня слишком много желаний, можно было и поменьше», – думала про себя.

Старалась отвлечься. Не сразу, но стало получаться. Сконцентрировалась только на своей потребности, научилась просто использовать. Использовала и уходила.

«Прошу тебя, это в первый и последний раз. Впредь – никаких подарков. И никаких застолий, ни до – ни после».

«А цветы?»

«Я же сказала».

Уходя, благодарила: «Спасибо».

Он не мог к этому привыкнуть. Что-то вообразил себе и жил с этими приятными глупостями. Иногда приставал с вопросами, надеялся на взаимность. Но ей было наплевать на его заблуждения, она ничуть не подыгрывала ему, не собиралась продлевать его иллюзии, не могла и не хотела.

«Ты меня любишь?»

«Нет».

«Нисколько?»»

«Нисколько».

«Зачем тогда приходишь?»»

«Чтобы переспать».

По стеклу захлопала москитная сетка. Так с лета и не сняли – не до того. Захотелось спуститься во двор, постоять на ветру, окунуться в желтую вьюгу – сегодня она навещала его во сне. Посмотрел в окно. С кровати снизу-вверх наискосок можно было видеть лишь голую верхушку липы.

У него появилась идея, и он дернул шнурок звонка. Вошла сиделка Надя. Она еще утром обратила внимание, что он очень бледен. Он всегда был бледен, но не до такой степени. Из-за этой бледности его седые, курчавые после химии волосы казались темнее обычного. И вставленная в ухо гарнитура была сегодня особенно черной.

Надя наклонилась к нему, засунула сноровистые руки под поясницу, что-то проверила-поправила и после, широко раздвинув веки, заглянула ему в глаза.

– Потерпи, соколик, скоро уколою.

– Потерплю, – тихо сказал он. – Сделаем одно нехитрое дело?

Она улыбнулась.

– Да хоть бы и хитрое, Никита Николаевич. Мы его с вами все равно перехитрим.

«Не сиделка, чудо какое-то. Где ее Нина нашла?»

– В прихожей есть зеркало... Не на стене... в шкафу на двери... Чтобы снять – немного подними вверх...

Она кивнула, ожидая, когда он закончит мысль.

– Поставь на подоконник... в дальнем углу.

Надя наклонила голову набок.

– Не пойму – зачем это?

– В окно буду смотреть.

– Как это в окно?

– Угол падения... – Никита Николаевич задумался, вспоминая... – равен углу отражения.

Она шумно вздохнула и пошла за зеркалом. Поставила его на подоконник и прислонила к стене.

– Нет, наоборот... Наклони от стены.

– А держаться как будет? – удивилась она.

– Ты подопрй его спереди... чем-нибудь... Можно книгами.

Надя ушла в гостиную и вернулась со стопкой книг.

– Чехова выбрала... коллегу... Край зеркала разверни к окну... достаточно.

Надя подошла к кровати, присела на корточки и склонила голову к Никите Николаевичу. Хвостик пушистых щекочущих волос упал ему на лицо, грудь придавила руку под одеялом. От нее приятно пахло простенькими духами и хорошим мылом, которым пользовалась жена.

– И что ты, соколик, отсюда с подушки увидишь? – посмотрев в зеркало из склоненного положения, спросила она. – Ветер ветки гнет да листья гоняет.

Никите Николаевичу захотелось, чтобы Надя задержалась

в таком положении, не уходила сразу. Хотелось чувствовать ее шелковистые волосы и тепло мягкой груди.

– Лучше, чем обои разглядывать... спасибо... все ты с душой делаешь.

– Нет, Никита Николаевич, душу я себе оставляю.

«А она ласковая, наверное. И губы у нее сочные и красивые», – подумал он, глядя на сиделку.

Под взглядом Никиты Николаевича Надя смутилась. Решила, что сказала про душу что-то нехорошее и поспешила объясниться.

– Не потому, что жадная, поделиться боюсь – нет. Просто с душой подходить – с вами и года не протянешь, свихнешься. С вами надо немножко черствой быть, понимаете?

«И это она рассказывает практикующему хирургу».

Моргнул ей в ответ.

– Но вы не волнуйтесь, Никита Николаевич, я делаю все как надо, чтобы вам как можно лучше было.

Попросил вдруг:

– Можешь меня поцеловать?

– Поцеловать? Конечно, могу, – откликнулась она. – Вас куда? В губы? В лоб? В щечку, если хотите.

Она присела на кровать и поцеловала его в уголок губ. После грустно улыбнулась.

– Плакали опять?

Он замотал по подушке головой.

– Не обманывайте, губы соленые... Чего только вы боля-

щие не просили у меня за двадцать лет. Любви все хотят – и больные, и здоровые.

– Ты и любовь можешь дать?

– Если просят – почему же не дать? Это первейшее лекарство ото всего. – Щеки у нее порозовели. – Ну, лежите тут, Никита Николаевич, смотрите на свои листья.

Одернув юбку, она вышла из комнаты.

Он смотрел на желтую вьюгу, на вяз в углу двора и мечтал об уколе – было больно нестерпимо. В какой-то миг ему даже померещилось, что этот старый вяз из зеркала проник к нему внутрь и начал там прорастать, своими кривыми узловатыми ветками безжалостно разрывая ткани на своем пути...

Прошло невообразимо много времени, когда, наконец, появилась Надя.

– Поворачиваться на бок не будем, так уколо.

Как он обрадовался... И поворачиваться не придется, и Надя сейчас сделает укол, и боль скоро отступит.

Во входной двери заворочался ключ.

– Кажется, Нина пришла, – сказал он.

Надя поправила одеяло.

– До свидания. Постарайтесь уснуть.

Из прихожей раздался голос жены:

– Никита! Надя! Как вы тут без меня?

Боль изводила невероятно, вытесняя всякую мысль о чем-либо кроме самой этой боли и превращая его в страдающее безмозглое животное. Но мысли все-таки посещали Никиту Николаевича. Он их не пытался ни вызвать – ни после задержать. Он этим процессом не управлял. Он почти ничем уже не управлял. Мысли пробивались в сознание помимо его воли, забирали на себя внимание, затем исчезали, иногда возвращались.

Подошла Надя. Он заморгал. Она наклонилась к нему совсем близко – иначе не услышать.

– До тебя... у меня была... одна единственная женщина... моя жена... Нина.

Надя отстранилась, вздохнула печально, покачала головой.

– Ваша жена и есть ваша единственная женщина, Никита Николаевич. Вы что—то путаете, Никита Николаевич.

Подождала – ответит ли? Он закрыл глаза. Она оставила его.

Обрывочно обдумывал ее слова на фоне жуткой боли...

Недолго уже... Жалко все и всех... Не себя, а мир – без меня... Без меня не пустой, но... обедненный... Весь мир будет здесь, а я буду там... Как они без меня?..

Уйти без свидетелей, зачем им присутствовать?.. Вот

только сказать бы, что люблю, и тихо уйти...

Стал думать, как все устроить. Пока думал, десять раз терял мысль.

Надя принесла воду. Он заморгал – она склонилась над ним.

– Звонила Нина... Через десять минут будет... Можешь идти.

– Спасибо, Никита Николаевич. Что-то я сегодня устала с вами больше обычного. Вам ничего не надо?

Он снова заморгал, она снова наклонилась к нему.

– Напиши записку... для Нины... «Я тебя люблю».

– Вот это правильно, – одобрила она.

Вырвала из блокнота листок, написала печатными буквами, положила листок Никите Николаевичу на живот.

– Смотрите, не смахните невзначай.

Хотела уже уйти, но в последний момент задержалась и посмотрела на него с прищуром.

– Никита Николаевич, а вы что-то задумали...

Он замотал головой. Она наклонилась.

– Сюрприз... для Нины, – прошептал он.

Улыбнулась. Поверила.

– До завтра, Никита Николаевич.

Хлопнула дверь.

«Ну вот и все...»

Посмотрел в зеркало. Ничего не видно – муть. Закрыв глаза.

Налетела желтая метель, долго кружила листья...

Все оборвалось неожиданно и тревожно: где листок?!

Запаниковал, начал судорожно шарить руками по животу, по груди... Справа нет! Значит слева... Снова шарил, теряя сознание от страха, что не найдет. Нашупал! – около бедра. Успокоился, задышал тяжело и редко... Листок положил на живот, руки вытянул вдоль тела... забылся...

Сознание вдруг с болью разорвало: а если листок лежит вверх ногами, как Нина прочтет его?! Опять разволновался, стал задыхаться, начал крутить мятую бумажку. Решил, что верхний край должен быть ровным, а не рваным. «Дверь справа, Нина подойдет справа, а пишут слева направо. Значит, верхний край должен быть слева...» – носилось в голове. На ощупь сориентировал лист, успокоился и больше ничего не менял. Руки положил на грудь и в тот же миг все забыл, что только что делал, и погрузился в бесконечный поток размытых видений...

Потянулась чередой больных, их страдальческие лица... Разговоры, объяснения, увещевания... Мать плачет, умоляет помочь дочери... Вырежем, чтобы исключить... сделаем пересадку... химия будет не лишней... рекомендую пройти вот этот курс... новейшая разработка... разумеется, бесплатно... все очень индивидуально... вот у меня был морячок с Дальнего Востока...

Резкая смена – Нина, Нина, Нина... одна только Нина... Обнаженная, одетая... на скамейке, за рулем, в постели, на

пляже... Беременная, приложил ухо к животу – слушает...
На кухне в халате... В кофе налила кефир – хохочут – «сама
теперь пей...» Лицо размыто...

Институт, вечеринка... танцуют... Решили скрыться в
старом корпусе... В каждом углу останавливаются и не могут
оторваться друг от друга... Вестибюль с колоннами... Она
стучит каблуками по мраморной лестнице... На каждой пло-
щадке целуются до боли... Забрались на последний этаж...
Желтая луна во все окно, каменный подоконник, холодный
и гладкий... Пусто и гулко – невозможно гулко, слышно на
весь институт... Дрожат от желания и страха, что кто-нибудь
притащится и все испортит...

Какие-то лица, шум, смех... падение с высоты – нет боль-
ше Нины... никого нет...

Долго-долго тянется непонятно что... вперемешку, в об-
щей куче... одни цветные мечущиеся пятна... потом одни
серые...

Дыхание учащенное и резкое, редкий нитевидный
пульс... Минута, две, три... Останов, ничего в сознании –
пустота...

6

...Вдруг охватило ощущение отвратительной неловкости.

Едва ли не прокричала:

– Нет, нет, нет....

Выскользнула из объятий.

– Что случилось?

– Ничего не случилось.

– Так не бывает.

– Бывает.

– Завтра придешь?

– Нет.

– Хочешь, встретимся в субботу?

– Нет, не хочу.

Посмотрела на него – сбитого с толку.

– Ты не понял, мы закончили с тобой отношения.

– Почему? – спросил озадаченно.

Глупый вопрос того, с кем расстаются навсегда.

Выбежала в прихожую.

В прихожей – шарф, плащ, перчатки.

Хлопнула входной дверью – с досады, не любя себя, ненавидя себя...

***

В другую входную дверь торопливо вставила ключ, торопливо повернула два раза.

Подумала с облегчением: «Наконец—то я дома».

– Никита! Надя! Как вы тут без меня?

Тишина пронзила насквозь.

Уронила сумку и бросилась в комнату. Застыла посередине.

На полу возле окна среди осколков зеркала валялись сие томики Чехова. Рядом лежала пустая рама.

Через силу подошла к кровати.

Никита Николаевич спокойно спал, аккуратно сложив руки на груди. Его заострившийся восковой нос смотрел строго в потолок, рот был приоткрыт. На животе лежала пустая четвертушка бумаги.

Постояла, глядя на мужа, до конца не осознавая случившегося, пока что ничему в себе не давая воли.

Четвертушка в клеточку выбивалась из контекста. Осторожно взяла ее, машинально хотела смять. Но не смяла, а посмотрела на обратную сторону.

И вот только теперь...

Присела на кровать, сорвала с себя шарф, накрыла холодные руки мужа своей рукой.

«И я тебя, и я тебя...»